

ИСЛАМ ХАНИПАЕВ: «ТЕПЕРЬ МНЕ ХОЧЕТСЯ ИДТИ ДО КОНЦА»

—
ДМИТРИЙ НРАВЧЕННО
Родился в 1991 году в Арма-
вире. Окончил среднюю
школу с медалью и уехал
учиться в Ростов-на-Дону.
Начал свой творческий путь
в студенческом культурном
центре РГЭУ (РИНХ).
Первый литературный
нонкурс выиграл в 2009 году,

—
опубликовал стихотворение
о зиме. В 2014 году орга-
низовал городской проент
«Литературная гостиная».
В 2017-м переехал в Москву,
продолжил развивать проент
«Литературная гостиная».
Выпустил пять сборников
стихотворений. Член Союза
российских писателей.

—
Победитель фестиваля
молодой поэзии «Филатов
Фест — 2020». Публиковался
в «Литературной газете»,
альманахе «Мост» и др.
Мастер спорта по грено-
римской борьбе.

Лауреат премии «Лицей», обладатель приза зрительских симпатий премии «Ясная Поляна» писатель Ислам Ханипаев о своем новом романе «Холодные глаза», Дагестане и непреодолимом желании рассказывать истории.

— *Давай начнем с простого. Опиши себя двумя предложениями, если можешь.*

— Это сложная задача.

1. Я не писатель, а, скорее, рассказчик историй.

2. Своей главной задачей я ставлю, чтобы читатель сел читать

и дочитал.

— *Я решил взять у тебя интервью, поскольку был восхищен твоей первой книгой «Типа я», даже сделал на нее несколько обзоров. Недавно у тебя вышла еще одна книга — «Холодные глаза», но к ней мы еще вернемся. Сейчас давай вкратце про «Типа я». Со стороны точки зрения, книга — большой успех. Как считаешь ты сам?*

— Наверное, у литературы есть какие-то понятные всем критерии, и с этой точки зрения «Типа я» — это скорее литературный успех. Но один критерий которого, к сожалению, пока не реализован: большие продажи, тиражи и популярность. Этого, собственно, не случилось. Из того, что случилось, — премиальный путь и умение издательства правильно выстроить мою легенду: дагестанец из ниоткуда, не любит читать книг, пишет по-своему, по-киношному — маленькие легенды, которые периодически ходят со мной от интервью к интервью. Это — правильная работа издательства с позиционированием автора. Мы знаем, что писателей сейчас много, рынок насыщен огромным количеством книг. И это правильно — попытаться выделиться. Надо лишь понять, за счет чего это сделать. Думаю, сейчас у меня интересный статус «ворвавшийся в литературу никому до этого момента не известный писатель». Сле-

- дующий ранг, которого я должен достичь с «Холодными глазами», — это «писатель, который доназал, что он не автор одной книги».
- *О'кей. Это — позиция издательства. А чем, по твоему мнению, ты как автор выделяешься среди других?*
 - Я сам периодически об этом думаю... Наверное, это прозвучит слегка бахвально, но мне кажется, я выделяюсь тем, что я бесшабашный и рискованный, то есть часто совершаю необдуманные поступки, которые в итоге (иногда) заканчиваются хорошо. Как, например, Питер Нвилл/Звездный Лорд в «Стражах Галантики». В этом смысле я ощущаю себя примерно как он — самым отважным или хватающимся за любую интересную идею, при этом не особо думающим о последствиях и самоуверенно считающим, что он ее реализует. В общем, в литературных делах я малость безрассуден. Наюсь.
 - *Что изменилось в твоей литературной и обычной жизни с момента выхода «Типа я»?*
 - Я вдруг поверил, что из меня получится писатель. Более того, я мансималист. Мне тяжело смириться с судьбой человека, который просто пишет, потому что любит писать, и получает за это гроши. А мы знаем, что в российском литературном процессе ты, скорее всего, много не зарабатываешь. Единицы могут позволить себе жить только за счет письма. Да и по всему миру похожая ситуация. Мой мозг настолько амбициозен, что он не может принять факт, что я буду писать книжки, они будут получать в идеале премии, у них будет хорошая судьба, но при этом я даже не смогу прожить на это дело. Возникает вопрос: я пишу в надежде на премии или в надежде на читателя? Я бы предпочел второе, ведь это доназательство того, что то, что ты делаешь, — важно и нужно. С этим смириться не могу. Я решил, что стану настоящим писателем, который только этим и зарабатывает. Премия «Лицей» мне немного помогла, но не факт, что в следующем году я что-то получу. После всей этой премиальной истории я могу сказать, что для меня ничего не изменилось — кроме желания писать дальше, еще большей мотивации. В общем, отвечая на твой вопрос: я ощутил, что могу стать писателем, я «почувствовал кровь», и мне теперь хочется идти до конца, оказаться на этой маленькой полке самодостаточных писателей, которые могут себе позволить ничем другим, кроме письма, не зарабатывать. И не стоит забывать, что есть и неочевидные способы заработка, такие как продажа киноправ, прав на постановки, прав в другие страны, — с этим сейчас, конечно, сложнее, но что касается экранизации, надежды у меня есть.
 - *Если бы успеха не было, ты бы продолжил писать?*
 - Не знаю. Например, на момент, когда был написан «Типа я», я заканчивал со своей литературной карьерой. Еще до премии я считал, что хватит уже, наигрался. Возможно, душа рассказчика в один момент вырвалась бы наружу и сказала: «А давай рискнем и еще один роман напишем?», и скорее всего, я бы написал. Но на тот момент ощущения были: «Все! Я ничего больше не напишу, если у этой книжки ничего не получится. С меня хватит!» И хорошо, что все получилось.
 - *Вернемся к «Холодным глазам». Почему эту историю нужно было рассказать?*
 - Не знаю... Здесь, в отличие от «Типа я», социального фактора нет, потому что история «Типа я» была о моем наболевшем, о Дагестане, но «Холодные глаза» — это прямо конкретная история, она не несет социального посыла. Хотя, по словам Галины Юзефович, да и многих читателей,

- я в очередной раз немного приоткрываю завесу над республикой и показываю некоторые неочевидные вещи, связанные с Дагестаном. Но это не было самоцелью. Самоцелью были мои амбиции и моя любовь к детективному жанру, мое желание показать то, что я считаю детективом, то есть не классическим, где усатый чувак в конце истории все раскрывает, а именно мое ощущение детектива: нечто мрачное, нечто сложное и, без сомнения, неоднозначное. В «Холодных глазах» я отсылаю нас всех к Достоевскому с его фразой «Тварь ли я дрожащая или право имею?». В этом смысле я точно так же рассуждал за своих героев: кто, за что и по какой причине имеет право взять и лишиться другого человека жизни. И конечно, я попытался все это обернуть в свое понимание детектива. Плюс в какой-то момент я услышал слова известных поднастеров, которые сказали, что в России детективный жанр мертв. В этот момент я потерял ладошки: «Сейчас я вам покажу, что я думаю на этот счет» — и сел за работу. Собственно, из этого и родились «Холодные глаза». Но как в дальнейшем получилось... Эта история вышла за грани жанра, причем достаточно далеко, насколько я понимаю, потому что я как автор текста до конца не могу понять, что я написал, но мне кажется, что «Холодные глаза» ушел в сторону психологии, в сторону социальных мотивов, связанных с Дагестаном. На самом деле мне просто хотелось спрятать в детектив большой роман премиального характера, не буду это отрицать, но что из этого получилось — не знаю.
- *Почему эту историю нужно прочитать?*
 - Вот этот (*смеется*) вопрос ставит меня в тупик, потому что я, как правило, смотрю честно на вещи, и мне кажется, что жизнь читателя существенно не поменяется, если он упустит этот роман. Скорее всего, прочитав роман, читатель немножечко оунется в психологию не столько убийцы, сколько свидетеля и следователя, потому что эта история — про глубинное погружение в человека в момент, когда весь его внутренний мир рушится. Плюс это история о ценности жизни и немного о Дагестане, но я знаю, что это не самые весомые монеты в копилку романа, поэтому я честно могу сказать, обращаясь к читателю: вы немного упустите, если не прочтете, кроме последнего самого очевидного критерия: это, как мне кажется, классная история. И мне не хотелось бы, чтобы вы ее упустили.
 - *Были ли хейт в твою сторону? Ты пишешь о Кавказе, и могут появиться люди, которые что-то неправильно поймут или им что-то не понравится.*
 - Знаешь, даже немного обидно, потому что хейта не было. Более того, кроме похвалы небольшого количества людей из Дагестана, где-то 150–200 человек, которые прочитали, я ничего не получил... Хотя казалось бы... Обычно республика, если кто-то вырывается за ее границы с успехом, начинает его всячески восхвалять или, в некоторых случаях, критиковать. Мой случай — он немного незаметный, и это даже разочаровывающе звучит, потому что, конечно, не хочется стать участником какого-либо скандала, но это все настолько тихо прошло, что я не могу понять: я дагестанец или среднестатистический кавказский москвич или московский кавказец, которому в принципе сейчас не обязательно находиться в республике, потому что республике, по сути, на него плевать? И вот в смысле резонанса «Холодные глаза» имеют большой потенциал скандального характера, но пока не было ничего, а «Типа я» исключительно положительно встретили, потому что читательская аудитория, как правило, — народ интеллектуальный, а такой народ подустал

1 Ислам Ханипаев

от всего того, что я высмеиваю в «Типа я». И они по-человечески понимают и поддерживают меня, потому что это — наша реальность.

— *Помоги молодым и не только. Как писателю найти читателя? Три дороги, по которым шел Ислам Ханипаев.*

— Не то чтобы «по которым я шел»... Первое, что точно принесет хоть наних-то читателей, — самиздат. Площадок сейчас много. Мой опыт там был не очень удачный. Давно пробовал, но негусто вышло. Но если вы — автор жанрового текста, то там уже нагретая, готовая аудитория. Остается попасть правильно в правильный момент. Если говорить про письмо, про то, чтобы ваша книга потом оказалась в большом и серьезном издательстве, то конечно, это путь через премии, без него никак. Их немало, и все принимают рукописи. А секрет один — пишите людям в соцсетях, издательствам, знавайтесь с ними, а потом анкуратно предлагайте им свою книгу. Может быть, прочитают, и что-то получится. Если вы пишете хорошую прозу, у вас есть шанс.

— *Ну и напоследок. Пять книг от Ислама Ханипаева, которые нужно прочесть каждому.*

1. «Нак писать книги» Стивена Нинга.
2. «Мартин Иден» Джона Лондона.
3. «Марсианин» Энди Вейера.
4. «Голос монстра» Патрика Несса.
5. «Тревожные Люди» Фредрика Банмана.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

И. ХАНИПАЕВ, «ТИПА Я»
(АЛЬПИНА НОН-ФИКШН, 2022)

Повесть Ислама Ханипаева погружает читателя в сознание ребенка, который пытается понять логику взрослых и подстроиться под «нормальный» мир сверстников. Отправившись в архетипическое путешествие на поиски отца, Артур постепенно меняется: в процессе взросления открытая душа ребенка то «варится, как яичный белок», то обрастает воинской броней.

Типичная для литературы последнего десятилетия* история о детской травме и ментальном расстройстве выигрывает за счет языковых экспериментов: стилизация под дневник восьмилетнего мальчика объясняет и сказочную нарочитость сюжета, яркого и необычного, и обрывочность рассуждений. Часть воспоминаний Артур записывает на диктофон — и разговорный стиль автору определенно удается. Отдельные фрагменты — ладно скроенные длинные предложения, выверенные диалоги и искусственно упрощенные мысли — выдают мышление взрослого (сюда же относится и не по годам развитая любознательность второклассника, который исследует права и обязанности психолога на школьном сайте). Некоторая натянутость чувствуется и в попытке передать нестыковку разных взглядов на мир: нарочитость, с которой художник выписывает фрагменты картины, отличает творение новичка от легкой небрежности мастера. Однако стилистическая напряженность искупается искренностью и свежестью воспроизводимых чувств.

* Вспомним О. Васякину и Е. Некрасову, Л. Мульменко и А. Козлову, А. Горбунову и В. Богданову.

Автор сталкивает два сознания — детское и взрослое, больное и здоровое, и переплетение четырех категорий порождает ключевые для понимания повести вопросы. Как в ребенке формируется идея насилия? Существует ли здоровое, зрелое мировосприятие, или все мы в какой-то степени дети, которые пытаются встроиться во «взрослый» мир? Воображаемый крутой друг — это клиника или защитная реакция внутреннего ребенка?

Автор сталкивает два сознания — детское и взрослое, больное и здоровое, и переплетение четырех категорий порождает ключевые для понимания повести вопросы. Как в ребенке формируется идея насилия? Существует ли здоровое, зрелое мировосприятие, или все мы в какой-то степени дети, которые пытаются встроиться во «взрослый» мир? Воображаемый крутой друг — это клиника или защитная реакция внутреннего ребенка?

Словоза череду милых, смешных, трогательных моментов школьной жизни проступает жестокий и болезненный мир взрослых: это мир-угроза, мир-война, в котором ты либо суперкрутой воин, либо слабак и планса. Идея И. Ханипаева «показать ребенка, выпавшего из общества», проследить, как сформировалось поколение 90-х — нулевых, нашла достойное воплощение. Автор доказывает, что сознание ребенка по гибкости не уступает мышлению взрослого и легко совмещает в себе озлобленность и отзывчивость, слабость и волю, ненависть и любовь.

Мария Тухто